

ТЕНДЕНЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ЧУВАШЕЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Изучение особенностей этнического развития дисперсно расселенных национальных групп, проживающих в отрыве от основной массы этноса вне его территории, является одним из актуальнейших направлений исследований в современной этнографической науке¹. Связано это в первую очередь с тем, что этнические процессы в таких группах могут служить индикатором тенденций и направлений развития этнических образований более высокого таксономического уровня.

Примером подобного рода группы может служить сельское чувашское население, проживающее в Новосибирской, Омской и Тюменской областях (рис. 1). По предварительным итогам переписи населения 1989 г., численность чувашей в этих трех областях составляет свыше 45 тыс. человек, около 60% их проживают в сельских районах. В ходе экспедиционных работ Омского гос. ун-та под руководством Н. А. Томилова и автора настоящей статьи в 1980—1989 гг. было обследовано чувашское население Кольванского, Кыштовского и Северного р-нов Новосибирской обл., Знаменского, Крутинского, Любинского, Муромцевского, Тарского и Усть-Ишимского р-нов Омской обл., а также Нижнетавдинского и Ярковского р-нов Тюменской обл. Было проведено изучение чувашей во всех местах их сколько-нибудь компактного проживания в этом регионе. В ходе работ было опрошено 1207 человек, выборка составила 43,1% от генеральной совокупности охваченных опросом населенных пунктов. Коэффициент отклонений не превысил 2,1% в половозрастных и 2,5% в социально-профессиональных группах. Демосоциальные характеристики чувашского населения обследованных поселений отображены на рис. 2. Некоторые результаты анализа современных этнических процессов у обследованных групп чувашей нашли отражение в ряде сообщений².

Интерес к чувашскому населению Новосибирской, Омской и Тюменской областей в немалой степени обусловлен особенностями его расселения и истории формирования массива, в котором по степени эндогамности и по ряду этнокультурных признаков нами выделены две этнические группы — новосибирская и тюменская.

Формирование этих групп происходило в несколько этапов — в ходе проведения переселенческой политики начала XX в., во время мощной волны переселения 1920-х — начала 1930-х годов, а также в годы Великой Отечественной войны. Такое поэтапное, во многом спонтанное формирование чувашского массива в Западной Сибири явилось причиной дисперсного расселения чувашей-переселенцев в иноэтничной (преимущественно русской) среде.

Естественно, что в новых условиях культура сибирско-чувашского населения претерпела глубокие многоплановые изменения, выявление которых и составляет предмет нашего исследования. Наиболее активно они начали развиваться с середины 1930-х годов, в период коллективизации. Чувашсибиряки вынуждены были перейти от выращивания традиционных для них сельскохозяйственных культур — ржи, овса, ячменя, льна и конопли на возделывание централизованно вводимой в колхозах монокультуры — пшеницы, что сразу же повлекло за собой существенное сокращение традиционных ремесел и хозяйственных занятий. Однако, несмотря на это, на протяжении еще более двух десятилетий (до конца 1950-х годов) у сибирских чувашей в относительно неизменном виде существовали хозяйственные занятия, ориентированные на

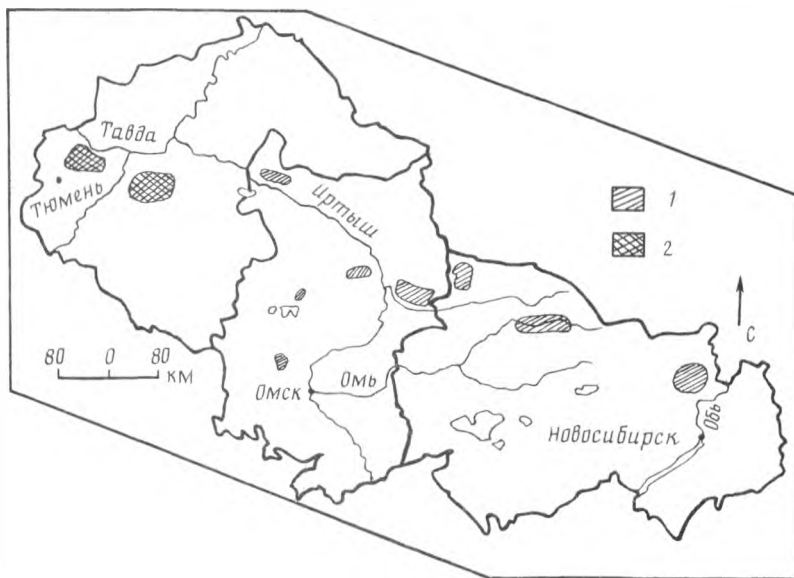
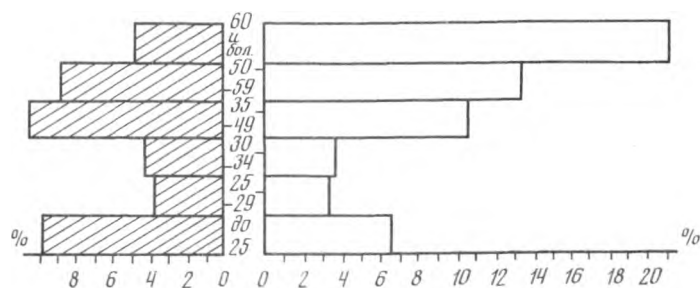
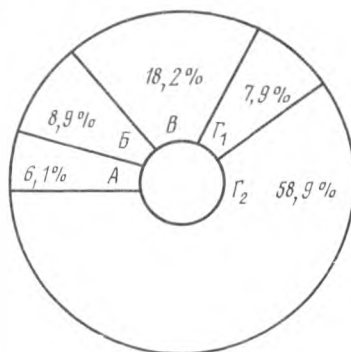

Рис. 1. Этнические группы сибирских чувашей на территории Новосибирской, Омской и Тюменской областей (схема): 1 — новосибирско-омская группа, 2 — тюменская группа

I

II

Рис. 2. Демосоциальные характеристики чувашей Западной Сибири: I — половозрастная пирамида (заштрихованные прямоугольники — мужчины, светлые — женщины), II — социально-профессиональная структура (А — руководители и специалисты высшего и среднего звена, Б — служащие, В — механизаторы, Г₁ — квалифицированные рабочие, Г₂ — неквалифицированные рабочие)

удовлетворение внутрисемейных потребностей — изготовление одежды и обуви, домашней утвари, приготовления пищи и пищевых продуктов.

Но уже в конце 1950-х — начале 1960-х годов материальная культура чувашей Западной Сибири начала стремительно утрачивать свою этническую специфику. Ускорение этого процесса было в значительной мере обусловлено широко развернувшейся в тот период кампанией по укрупнению хозяйств и ликвидации «неперспективных» деревень. Реализация этой политико-экономической программы привела к утрате экономической, а стало быть, и культурной самостоятельности большинства сибирско-чувашских селений. Многие из них стали отделениями укрупненных совхозов и колхозов со всеми вытекающими из этого последствиями в социальной и культурной сфере.

Огромные изменения произошли в конструкции, украшении и устройстве интерьера жилища сибирских чувашей. Взамен ранее обычной для них однокамерной избы практически повсеместно стали возводить пятистенные, а в последнее время все чаще и крестовые срубы. Фронтоны домов сейчас, как правило, имеют полихромную раскраску «в елочку», нередко раскрашиваются и наружные стены. Кардинально изменился интерьер жилища, чрезвычайно редки стали спальные нары, другая стационарная мебель, традиционные печи с открытым очагом. Все чаще на смену им приходит унифицированная фабричная мебель массового производства — мебельные стенки, наборы мягкой мебели для отдыха, обладание которыми стало элементом престижа; русские печи и газовые плиты. Традиционная утварь практически исчезла из обихода, 85,6% опрошенных не имеют дома ни одного такого предмета. Весьма интересно, что несмотря на фиксацию нами этноспецифичных элементов в конструкции и отделке примерно двух третей чувашских жилищ обследованных селений среди информаторов отметили их наличие менее 13%.

Наиболее разительные изменения претерпел традиционный национальный костюм сибирских чувашей. Поскольку у чувашей, проживающих в Западной Сибири, нет возможности приобретать готовую одежду с какими-либо национальными элементами, как это имеет место в Чувашии³, то среди них повсеместно бытует вненациональная «общесоветская» одежда массового пошива. 99,4% наших информаторов отметили, что никаких различий с современной одеждой окружающего русского населения в их одежде нет. Традиционный же обрядовый костюм полностью вышел из употребления. Лишь у 3,8% опрошенных нами чувашей имеются отдельные предметы традиционной одежды и обуви.

Особый интерес для исследователя представляют изменения, произошедшие в таком важнейшем элементе системы жизнеобеспечения этноса, как пища. Наш интерес к современному состоянию системы питания сибирских чувашей объясняется, во-первых, ее наибольшей относительной устойчивостью в материальной культуре и, во-вторых, большим этномаркирующим значением пищи в сравнении с другими элементами материальной культуры, что связано уже с национальным самосознанием этнофоров.

В современной пище чувашей Западной Сибири в основном сохранилась веками складывавшаяся система питания, основанная на сочетании продуктов земледелия и животноводства. При этом в последние десятилетия употребление некоторых видов продуктов, ранее имевшее выраженный сезонный характер, например мяса, молока⁴, — стало круглогодичным. Здесь следует отметить весьма, на наш взгляд, важную особенность — в отличие от чувашей Чувашии, предпочитающих употреблять в пищу говядину и баранину⁵, сибирские чувашки отдают предпочтение свинине, прочно удерживающей первое место у 99,5% опрошенных, что влечет за собой появление в рационе кушаний, ранее несвойственных чувашской национальной кухне, к примеру копченого и соленого свиного сала, жареного на сале картофеля и т. п. В то же время резко (до 10—15 наименований) сузился набор собственно чувашских традиционных блюд, что прямо коррелирует с уровнем знания чувашами Западной

Сибири блюд национальной кухни. Только 32,2% наших информаторов смогли назвать четыре и более национальных кушанья, тогда как 40,9% респондентов не назвали ни одного. В целом же пища чувашей Западной Сибири, как и вся их материальная культура, испытывает огромное воздействие русской культурной традиции, характерной для этого региона.

Схожее, в известной мере драматичное, положение складывается и в современной языковой ситуации и духовной культуре чувашей Западной Сибири. Не вдаваясь в подробности исторического пути чувашской национальной школы в Сибири, скажем лишь, что сложившаяся к концу 1920-х годов сеть чувашских культурно-просветительных учреждений, призванная удовлетворять культурно-национальные запросы чувашей-переселенцев, была фактически ликвидирована в первой половине 1930-х годов, что, естественно, ни в коей мере не способствовало закреплению за чувашским языком приоритетов в начавшем складываться в те годы чувашско-русском двуязычии. Немаловажную роль в этом сыграла также и практика поселения чувашей-переселенцев из европейской части России в преимущественно русскоязычные, а не в имевшиеся уже в Сибири чувашские селения. Эта ситуация вынуждала чувашей Сибири все более широко пользоваться русским языком не только в межэтническом, но и во внутриэтническом общении. Адекватные процессы происходили и в духовной культуре сибирских чувашей.

На дальнейшее развитие ситуации огромное негативное воздействие оказали потери населения в период массовых репрессий и в годы Великой Отечественной войны. Их следствием было резкое нарушение процесса передачи и воспроизводства этнической информации и чувашского языка, утеря многих родственных и культурных связей чувашей Сибири с чувашами Чувашской АССР и других районов страны.

Затем, в 1950-х — середине 1970-х годов на языковую ситуацию и духовную культуру сибирских чувашей все возрастающее воздействие стали оказывать резко увеличившийся поток информации на русском языке через теле- и радиовещание, более интенсивные миграции населения (особенно из села в город), уже упоминавшаяся кампания по укрупнению хозяйств. Немалую роль в утрате чувашским языком своих позиций сыграла и проблема продолжения образования для сибирско-чувашской молодежи после окончания общеобразовательных школ. Ведь в различных училищах, техникумах и вузах Западной Сибири преподавание велось исключительно на русском языке.

По результатам нашего обследования выяснилось, что чувашский язык считают родным 80,2% опрошенных нами чувашей, причем в зависимости от пола и возраста этот показатель варьирует от 58,6 до 96,8%. Весьма тревожным оказалось положение с языковой компетентностью сибирских чувашей. Несмотря на то, что чувашский язык считают родным 80,2% наших информаторов, свободно говорят, читают и пишут на нем лишь 33,8%. Владеют им на разговорном уровне 50,8% опрошенных, 3,7% респондентов не владеют чувашским языком совсем. Что же касается русского языка, то им свободно владеют 82,2% опрошенных сибирских чувашей. В их реальной речевой деятельности в настоящее время установился паритет в функционировании чувашского и русского языков (см. таблицу). При этом мы должны констатировать отчетливую тенденцию к возрастанию роли русского языка, ярко проявляющуюся в активном проникновении его в такую закрытую сферу, как внутрисемейное общение, особенно родителей с детьми.

Одним из важнейших индикаторов направления развития этноязыковых и этнокультурных процессов в целом является установка обследуемого населения на язык школьного обучения, определяемая по степени осознания необходимости преподавания детям языка своей национальности и по выбору типа школы и языка обучения для своих детей в проективной ситуации. Выяснилось, что считают нужным преподавать детям в школе чувашский язык как предмет 28% опрошенных, отрицательно относятся к этому 52,1% респондентов.

Функциональные характеристики реального речевого поведения чувашей Западной Сибири в середине 1980-х годов (%)*

Язык общения	Сфера применения					
	говорят с родителями	говорят с супругом	говорят с детьми	говорят на производстве	говорят с друзьями	переписываются с родными
Чувашский	52,9	50,4	36,8	50,2	70,6	17,6
Русский	21,0	33,0	52,2	63,7	64,9	62,9

* Опросом было охвачено 1207 чел.

Что же касается выбора желательного типа и языка школьного обучения, то 95,4% информаторов предпочитают обучать своих детей в русской средней школе.

Сформировавшийся таким образом комплекс языково-психологических установок находится во взаимообусловленной связи с состоянием духовной культуры рассматриваемых нами этнических групп. Весьма показательна в этом плане структура национально-культурных предпочтений. При ответе на вопрос о том, какие (чьи) песни предпочитают петь или слушать опрашиваемые, выяснилось, что чувашские народные песни предпочитают 48,9% респондентов, тогда как русские — 50,8%. При ответе на аналогичный вопрос, касающийся танцев, приоритет был также отдан русским народным танцам — 56,8% опрошенных против 40,0% информаторов, предпочитающих чувашские народные танцы.

Наиболее же разительная картина вырисовывается при попытке выяснить роль и место чувашской национальной культуры в духовной жизни сибирских чувашей. Оказалось, что 92,7% опрошенных чувашей не знают ни одного чувашского поэта или писателя, смогли назвать одно — три имени лишь 7,0%, четыре и более — всего 0,3% респондентов. И это при том, что 48,2% из них имеют личные библиотеки, а 12,3% регулярно посещают общественные библиотеки. Еще хуже положение со знанием чувашского фольклора — смогли назвать хотя бы одну легенду, сказку или предание своего народа только 2,7% из числа наших информаторов.

Национальная специфика полностью исчезла из современной обрядности сибирских чувашей. Так, например, нам ни разу не удалось записать полный традиционный свадебный обряд от одного информатора, утрачены знания о традиционных чувашских родильных и похоронных обрядах. При их проведении, как правило, используются значительно редуцированные аналоги обрядов, бытующих у проживающего рядом русского населения.

Таким образом, основываясь на вышеизложенном, мы приходим к следующим выводам:

1. Основной тенденцией в развитии этнокультурных процессов в сфере материальной культуры у сибирских чувашей является нивелировка этнически значимых черт и развитие процесса унификации ее с общерусскими формами культуры наряду с сохранением отдельных традиционных элементов в модифицированной форме в жилище и системе питания.

2. В результате расселения сельских чувашей в Сибири среди русских и их историко-культурных связей с последними сложилась ситуация, характеризующаяся высокой степенью языковой ассимиляции со стороны русских и имеющая тенденцию к усилению в ближайшие десятилетия. Это подтверждается взаимосвязью роста уровня свободного владения русским языком и признания его родным в направлении от старших возрастных групп к младшим с адекватным снижением уровня свободного владения чувашским языком и осознания его как родного.

3. Учитывая сложившуюся языковую ситуацию у чувашей западной Сибири

и современные тенденции ее развития, можно предсказать дальнейшее расширение и углубление чувашско-русского двуязычия и процесса интеграции в культуру сибирских чувашей культурно-языкового потенциала русских.

4. В духовной культуре сибирских чувашей определяющей является тенденция к размыванию этнически значимых черт в обрядовой культуре и фольклоре с замещением утраченных элементов соответствующими русскими эквивалентами.

Учитывая, что процессы такого рода могут развиваться только диахронно, можно представить, какими еще потерями уже не только этнически, но и социально значимых культурных ценностей и ориентаций они обернутся при таком возможном переходе от одной системы этнокультурных и языковых традиций к другой.

Способствовать недопущению этого может лишь значительная культурно-языковая «подпитка» чувашей этнически содержательной информацией при посредстве СМИ, книготорговых организаций и культурно-просветительных учреждений. Ввиду того что чувашский язык пока еще играет определенную функциональную роль в жизнедеятельности сибирско-чувашских этнических групп, эти меры, а также усилия со стороны местных сибирских органов власти и правительства Чувашской АССР еще могут приостановить разрушительный процесс в этнической культуре сибирских чувашей.

Примечания

¹ Губогло М. Н. Национальные группы и меньшинства в системе межнациональных отношений в СССР // Сов. этнография. (далее — СЭ). 1989. № 1. С. 26—41; Дробижева Л. М. О проблемах межнациональных отношений и задачах этносоциологии в современных условиях // Там же. С. 41—47; Тишков В. А. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // Там же. № 5. С. 3—14.

² Коровушкин Д. Г. Современная духовная культура сибирских чувашей (предварительное сообщение) // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986—1987 гг.: Тезисы докладов. Сухуми, 1988. С. 18—19; *его же*. О некоторых сторонах современной духовной культуры чувашей Западной Сибири // Современная духовная культура народов Сибири и Севера. Межвуз. темат. сб. науч. тр. Омск, 1989. С. 163—169; *его же*. Сохранение традиционных элементов в современной материальной культуре чувашей Западной Сибири // Научно-практическая конференция «История, краеведение и музееведение Западной Сибири»: Тезисы докладов. Тюмень, 1989. С. 20—22; Коровушкин Д. Г., Реммлер В. В., Томиллов Н. А. Коротко об экспедициях // СЭ. 1988. № 2. С. 165—166; Томиллов Н. А., Коровушкин Д. Г., Реммлер В. В. Изучение динамики этнических процессов у народов и национальных групп России (по материалам Западной Сибири) // Межнациональные отношения и национальная политика в СССР: Всесоюзная научно-практическая конференция «Национальные и социально-культурные процессы в СССР»: Тезисы докладов. Омск, 1990. С. 6—13.

³ Иванов В. П., Трофимов А. А. Народное искусство чувашей: современное состояние и проблемы // СЭ. 1989. № 3. С. 81—89.

⁴ Чуваша: современные этнокультурные процессы. М., 1988. С. 110—111.

⁵ Там же. С. 111.

© 1991 г., СЭ, № 4

Н. Ф. Мокшин

МОРДВА — ЭТНОНИМ ИЛИ ЭТНОФОЛИЗМ?

В последнее время не только в устных высказываниях, но и в теле- и радиовещании Мордовии, в местной и даже центральной печати в связи с оживлением интереса к национальным процессам и межнациональным отношениям вновь заговорили об этнониме «мордва», его происхождении и употреблении, причем